

УДК 82-3 (470-64)

ББК 83-3 (2Р37)

Л.С. Хагожеева

**О СПЕЦИФИКЕ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ФОЛЬКЛОРНЫХ МОТИВОВ
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
СИСТЕМЕ
КАБАРДИНСКОЙ ПРОЗЫ**

Исследуются проблемы взаимосвязи литературы и фольклора в национальной культуре, а также вопросы роли и места фольклорных мотивов в произведениях кабардинских писателей. Анализ проводится на материале произведений Х. Теунова, А. Шортанова, А. Кешокова и др. (1940 – 1990-е гг.) в эволюционном развитии национальной прозы. Основное внимание при этом уделяется определению специфики нового осмысления фольклорного наследия в творчестве отдельного писателя.

Ключевые слова: фольклорные мотивы, символика, эволюция, эпические жанры, традиция, тема, сюжет, характер.

DOI: 10.18522/1995-0640-2015-4-36-44

Хагожеева Лиана Славовна – соискатель-стажер Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук

Тел.: 8-928-706-45-58

© Хагожеева Л. С., 2015.

В данной статье мы ставим целью провести подробный анализ специфики использования фольклорных мотивов в художественной системе кабардинской прозы на разных этапах её эволюции, на примерах наиболее значительных прозаических произведений.

Проблема роли и места фольклорных мотивов, тем, символов в национальной литературе была актуальна на всех этапах её эволюции. Данному вопросу уделяется большое внимание в трудах таких известных исследователей северокавказских литератур, как А. Алиева (1969); Л. Бекизова (1974); У. Далгат (1984); Г. Гамзатов (1986); А. Мусукава (1993); Ю. Тхагазитов (1996); А. Гутов (2000); М. Хачемизова (2005); В. Бигуаа (2011) и др. Проблема роли и места фольклорных мотивов в национальных литературах остаётся актуальной и в современном литературоведении, так как она способствует выявлению специфических особенностей поэтики этих литератур в их сюжетно-композиционном построении, образной системе, поэтике.

Сегодня становление и развитие кабардинской литературы ученые связывают с фольклором, справедливо считая его художественно-эстетической базой, без которой немислимо было возникновение и развитие национальной художественной литературы.

Фольклорные традиции могли нести и несли в себе двойное значение. Как известно, народное творчество – источник превращения литературы «устной», «говорящей» в литературу письменную. Именно фольклор предоставлял

начинающим писателям возможность перехода к конкретности в изображении действительности, насыщения её художественностью и достоверностью. Так, Л. Бекизова справедливо отмечает: «Народная педагогика, философия, мораль, выраженные и сохраненные в литературных обработках произведений фольклора, были поставлены на службу воспитания человека... Найденные и выявленные писателями золотые россыпи родного поэтического слова способствовали проникновению в литературу взглядов народа на мир» [Бекизова, с. 149]. Но в то же время на первых этапах формирования литературы отмечается прямое перенесение фольклорных мотивов, тем, художественных приемов в литературу, что нередко приводит к описательности, декларативности.

В кабардинской литературе процесс влияния фольклора на национальную прозу пережил сложные этапы: от прямого «перенесения» сюжетов, тем и мотивов до значительной художественной интерпретации и плодотворного применения, обогащающего современную литературу, философски, художественно.

В период 1920 – 1930-х гг. влияние фольклорных традиций наиболее очевидно, это – время приобретения первых навыков литературного письма, время поисков средств в художественном освоении действительности. Как известно, нередко были случаи механического перенесения некоторых ситуаций и образов из фольклора в литературу, но в целом проза данного периода имела и свои особенности: в ней всё чаще появляется образ современника. Нередко национальный фольклор выступал слабым «подспорьем», так как сложный процесс создания реалистически обоснованного, психологически мотивированного характера «нелегко давался писателям, имевшим в национальном наследии главным образом поэтические традиции. В народном творчестве – этом арсенале мудрости и житейской философии нации – герой выступал как устойчивый социальный тип – носитель определённых этнических качеств: положительных или отрицательных» [Ломидзе, с. 63].

Многие национальные литературы в первые периоды развития взяли на вооружение художественное богатство фольклора, включив при этом в свою орбиту как малые, так и эпические жанры. Но если произведение создавалось по принципу прямого перенесения фольклорных мотивов, или героев в молодую литературу, то оно характеризовалось инертностью, простой констатацией фактов, но не внутренним движением сюжета или самостоятельностью и художественной значимостью характера. Нередко появление у молодых, прозаиков одинаковых сюжетных линий, способов фольклорной типизации положительных и отрицательных героев вело к бесконфликтности, мешало появлению в литературе нового героя.

Неверно было бы утверждать, что сами традиции фольклора содержат в себе отрицательное начало. Лишь неумелое использование тех или иных методов фольклора служит источником слабых сюжетов и произведений в целом. Неумение заметить наиболее типические факты, отразить их в литературе как художественные явления, в малом заметить

сложное, а также полное отсутствие художественной логики, как и некоторых других принципов психологического анализа и реалистического повествования – это общие недостатки первых кабардинских прозаических произведений в период 1930 – 1940-х гг.

Отмечая, что кабардинская литература в своём развитии опиралась, прежде всего, на традиции фольклора, исследователи, как правило, подчёркивают и значительную роль русской классической и советской литератур. В период 1920-х гг. становлению поэтических жанров способствовали переводы на кабардинский язык стихов и песен революционного содержания. В 30-х гг. на кабардинский язык были переведены произведения русских писателей: «Хаджи-Мурат» Л.Н. Толстого, «Мать» А.М. Горького, «Поднятая целина» М.А. Шолохова и др. В последующие периоды поддержка со стороны советских писателей и деятелей культуры способствовала формированию и развитию национальной литературы и культуры: за период 1920 – 1930-х гг. в Кабардино-Балкарии побывали А. Бусыгин, М. Кольцов, Е. Зозуля, С. Третьяков, Ю. Соколов и другие, они оказали значительную помощь в первые периоды формирования национальной культуры и литературы.

В первых произведениях кабардинских писателей главный герой представлял в качестве определенной схемы, в художественном решении которого значимы были и публицистические, и фольклорные элементы, что в итоге вело к контрастно-романтическому воплощению характера. Но со временем герой приобретал не только реальные, но и типические черты: вместо заранее определённой схемы в литературе появился человек современности, со всей сложностью его личных качеств и конфликтов, несущий в себе отличительные, типические черты времени и эпохи. Если мы обратимся к периоду начала XX в., то таковы герои первых кабардинских литературно-художественных сборников «Первый шаг» («Япэ лъэбакъуа»), «Новая сила» («Къарууш1э»), «Молодая сила» («Ныбжьыщ1э къару»), повестей Дж. Налоева «Начало», С. Кожеева «Новь» и др.

Как отмечают исследователи, значительное влияние на ускорение процесса развития национальной прозы оказали не только социально-экономические, политические и культурные преобразования в жизни народа, но и традиции русской классической и советской литератур. Как известно, это тема отдельного научного исследования. Но следует помнить, что ускоренное развитие жанровых форм было бы невозможно в отрыве от тех духовных ценностей, которые создавались народом на протяжении веков. Устное народное творчество кабардинцев – одно из важнейших свидетельств уровня эстетического восприятия окружающего мира народом, который не только исследует этот мир, но и пытается создать определённые устойчивые жанровые формы в самом процессе литературного творчества.

Если говорить в целом о специфике формирования первых этапов национальной литературы, то следует назвать творческое использование фольклорных традиций, опыт газетных жанров, впервые осознав-

ших и охвативших новый жизненный материал, влияние русской классической и советской литературы. Всё это становилось своеобразной базой формирования и развития национальной прозы.

Из прозаических произведений раннего периода наиболее значительное место занимает повесть Х. Теунова «Аслан» (1941). Герой повести, отстаивающий своё право на жизнь и счастье, ведёт борьбу с сильными мира сего как нартский герой. Он предстаёт как персонаж героического эпоса: «он теперь легко вспоминал гордые, как заклятые, слова старинных воинов, слова, унаследованные от самих нартов, и смело бросал их в лица врагов».

Во второй половине XX в. в национальных литературах значительно возрастает роль прозы: очерк, рассказ, повесть, роман. И в этих жанрах, в новой интерпретации сохраняются фольклорные мотивы. В эпосе народов Кавказа имеется немало тем, сказаний, общих героев. Е.М. Мелетинский верно отмечал, что многие напевы нартских сказаний «имеют многочисленные мифологические параллели. Мифологические черты очевидны в уникальном для эпоса матриархальном образе матери и хозяйки нартов Сатаней» [Мелетинский, с. 67].

Проблема взаимосвязей литературы и фольклора и сегодня остаётся актуальной. В современном литературоведении подробно исследуются вопросы современного влияния фольклора на литературу, типологической трансформации его традиций и скрупулёзного, изучения фольклорного наследия в произведениях современных писателей. На наш взгляд, сегодня особенно важно точно определить способы и методы соотношения фольклорной традиции и современной литературы. Вопрос не только в многочисленном использовании легенд, притч, сказаний, обращений к народным традициям и обычаям. Важно также учитывать специфику функций фольклорных составляющих: тем, сюжетов, образов, мотивов, паремий, лексики и др.

Исследуя мифо-фольклорные традиции в северокавказском романе, А.Х. Мусукаева отмечает: «Важно увидеть их гуманитарный смысл и проявить понимание того, почему во всех сложных перипетиях и событийных коллизиях главенствует человек, его деяния и мировидческий комплекс. Вне такого видения и понимания в диалоге литературы с народной культурой будет отсутствовать главное: причины и значение жизненности, неизбывности наследия, питающего письменное слово» [Мусукаева, с. 252].

Всю специфику плодотворного использования фольклорных тем и мотивов можно лучше всего проследить на материале творчества отдельных писателей. Но необходимо знать о той сложной эволюции, о тех болезнях роста, которые каждым писателем были пережиты по-своему: от прямых заимствований тем, сюжетов, жанров и образов фольклора до глубоких этических и эстетических принципов его творческого использования.

Часто обращение к фольклору анализируется как первая ступень в художественном освоении мира. Но, вероятно, надо помнить о том,

что фольклор, как и литература, есть искусство слова, отдельная художественная система и поэтому нельзя оценивать его как некую основу первых периодов становления литературы. В наиболее значительных произведениях литератур северокавказского региона второй половины XX в. (повести и романы И. Базоркина, А. Кешокова, И. Машбаша, Х. Теунова, А. Теппеева, Е. Уруймаговой и др.) фольклорные мотивы, традиции, символы органически вводятся в сюжетно-композиционную и художественную ткань произведения, т. е. фольклор в романе – это та художественная почва, на которой разворачивается повествование. В творчестве кабардинского писателя А. Шортанова влияние фольклора было глубинным, философским, его богатство использовалось писателем не в силу определённой инерции, а по законам художественной необходимости. В романе «Горцы» А. Шортанова (1953) фольклор содержит в себе глубокие художественные начала. Писатель вводит в повествование отдельные элементы фольклора с тем, чтобы наиболее ярко показать специфику национальной жизни, исследовать свойства национального характера, определить роль и место личности в потоке исторических событий. Как известно, роман «Горцы» – многоплановое произведение об исторической судьбе кабардинского народа, но существенное место в романе занимают фольклорные мотивы, этно-философские традиции, создающие полную картину национальной жизни. Важнейшие исторические события воссозданы в романе в тесном художественном единстве с описанием быта народа, его культуры, традиций.

Роман А. Кешокова «Вершины не спят» состоит из отдельных самостоятельных частей: «Чудесное мгновение» (1958); «Зелёный полумесяц» (1965); «Сабля для эмира» (1982), которые сюжетно соединяются повторяющимися образами, т. е. писатель использует принцип устного сказа (хабара), ставшего в адыгском фольклоре одним из самых распространенных прозаических жанров. Хабар, как известно, имеет своеобразное сюжетно-композиционное строение, что и было использовано А. Кешоковым при создании первой книги трилогии «Вершины не спят». Книга состоит из отдельных новелл, имеющих общую смысловую и логическую нагрузку. Началом, соединяющим все новеллы, служит авторский комментарий, который отличается неторопливостью повествования и также берёт своё начало от притч и народных сказов.

Основополагающая роль фольклорных мотивов в прозе А. Кешокова проявляется не только в многочисленном и целенаправленном применении фольклорных тем и мотивов, которыми изобилует повествование произведений, но и их сюжетно-композиционное построение. Писатель нередко прибегает, к примеру, к прямому противопоставлению героев. Если в фольклоре чаще встречается антитеза социальная, то в прозе А. Кешокова она ещё усложняется нравственными коллизиями, художественное воплощение которых требует больших творческих усилий: Катханов – Маремканов («Вершины не спят»); Хабиба–Апчара («Сломанная подкова»); Дафарадж старшая – Дафарадж младшая («Корни») и т.д. Можно привести примеры и более ранних по времени создания произведений, которые также осно-

ваны на пафосе фольклора. Это роман осетинской писательницы Е. Уруймаговой «Навстречу жизни» (1958), в котором сложнейшие исторические события основаны на широком этно-фольклорном фундаменте, а также роман ингушского писателя И. Базоркина «Из тьмы веков» (1967), в котором на фольклорных традициях строится вся канва повествования. Главный герой этого романа Калой выглядит истинным нартом – «высокий широкоплечий богатырь с гордо поднятой головой». Известный современный литературовед У.Б. Далгат подчёркивает, что Калой «имеет прототип легендарного Калой-Канта, воспетого в героических песнях ингушей». Выделяя в книге «Литература и фольклор» (1981) специальный параграф «Анализ фольклорных основ романа И. Базоркина "Из тьмы веков"», исследователь подчёркивает, что «самобытность данного произведения в значительной степени достигается при помощи привлечения фольклорно-этнографических элементов» [Далгат, с. 148].

В романе Е. Уруймаговой «Навстречу жизни» изображение подробностей быта, традиций и обычаев, а также органично существующие в повествовании фольклорные мотивы являются одной из важнейших черт произведения, они подтверждают глубокую заинтересованность писательницы в изображении их нравственной сути, значительно повышающей художественный потенциал произведения. Следует подчеркнуть, что благодаря использованию фольклорных мотивов, образов и символов в романе значительно возрастает и степень художественного своеобразия жанра и его поэтическое богатство, четко вырисовываются образы героев, наполненные живым колоритом национального бытия.

Возвращаясь к прозе А. Кешокова, следует особо отметить, что в ней масштабно проявляется специфика символического, народно-поэтического мышления писателя. А. Кешоков одним из первых кабардинских художников слова пришёл к такому глубокому знанию о человеке, к такому его художественному видению, которые позволяли бы говорить о глубине познания им человеческого характера. Это в свою очередь предполагает знание писателем духовных основ и традиционных истоков всей народной культуры. Только при этих условиях могли появиться в его романах гармония национальной жизни, устойчивость эпических начал жанра. Специфика индивидуального стиля и поэтики прозы А. Кешокова, их ориентации на фольклор проявились с первых произведений. Недаром в критике часто упоминается о поэтичности языка персонажей, о многочисленных и удачных использованиях писателем тем, мотивов, в целом поэтики устного народного творчества кабардинцев. Но исследователи подчёркивают, что в произведениях А. Кешокова речь идет не об использовании, а о народном художественном мировидении писателя, которое во многом определяет его творческую концепцию и стиль, а в большинстве случаев и глубину эпической мудрости повествования. Следует отметить также немаловажный момент, связанный с использованием писателем легенд, притч, пословиц, образных народных выражений. Все они легко доступны и понятны читателю, так как писатель сам часто дает их интерпретацию, комментирует, делает свое-

образный перевод-разъяснение. В романе «Вершины не спят» подробно описывается и комментируется свадебный обряд в кабардинской семье, приводится легенда о мужественной народной героине Лашин, даются разъяснения, связанные с давними традициями, обычаями, с церемониалом поведения людей старшего и младшего поколений.

Особое место в творчестве А. Кешокова занимает пословица, ёмко выражающая авторскую мысль и нередко используемая для характеристики героев, оценки их действий: «Добрый утренний гость – это луч утреннего солнца», «не дойдя до воды – не поднимай подола»; об осмотрительном человеке – «у осторожного сына мать не плачет»; о взаимоотношениях родителей и детей – «любовь детей к матери коротка, как мост через реку, а любовь матери длинна, как сама река» и др.

Писатель широко использует в прозе народно-поэтическую символику: «Во время перелёта журавлей, если разыгрывается ветер, в косяке птиц чаще меняются головные журавли, чтобы не сбавить скорости лёта. Нечто похожее было в республике. После Бетала Калмыкова часто менялись первые секретари, ибо был период, наполненный событиями предвоенного времени, а затем восстановлением разрушенного войной хозяйства, ликвидацией их последствий» (автобиографичная повесть «Вид с Белой горы»). О трудностях творческого процесса А. Кешоков пишет: «Яблоня гнется под тяжестью своих плодов, но эта тяжесть ей приятна. Писателя, может быть, изводит его тяжелый труд, но от этого он не пытается избрать путь полегче» («Знак мастера»). Высказывание Инала Маремканова о неизбежном конце скитаний конокрада Жираслана: «Каким бы ветрам не подставляла лиса свою шкуру, всё равно она принесёт её меховщику» («Вершины не спят») и т.д.

Народные изречения в прозе А. Кешокова художественно оправданы, они не инородны, не изолированы, поскольку всегда удачно вписываются в контекст повествования, обогащая, наполняя внутренним содержанием речь персонажа: «Хабиба любит говорить, что беда идёт дорогой предчувствий», или: «не с кем посоветоваться, клади на землю папаху, выскажись перед ней» (этой пословице по смыслу близка другая: «прежде чем высказаться – подумай, прежде чем сесть – осмотри») («Сломанная подкова»); «Семья – зеркало рода», «Корней много – род крепкий» («Корни» и другие).

Народные высказывания в романах А. Кешокова приобретают новое художественно-эстетическое значение. Его герои вышли из народа и поэтому обращение к истокам, к народно-поэтической традиции совершенно естественно. Это тот случай, когда символическая конструкция «начинает возвращаться к покинутой объективной действительности» [Лосев, с. 185].

В более поздние периоды развития литературы (1980 – 1990-е гг.) фольклорные мотивы в кабардинской прозе несут в себе сюжетообразующее начало. Именно в таком аспекте можно рассматривать широко цитируемую исследователями творчества Т. Адыгова песню-проклятье девушки-рабыни (роман «Щит Тибарда», 1982). В описываемое время (XIII в.),

подчеркивает писатель, «привлекательная черкешенка считается ценнейшим товаром на базарах всего мира, каждый уважающий себя богач, перс, турок, грек, стремится иметь такую наложницу, а то и двух-трёх. От них ведь рождаются красивые крепкие дети...». Песня же адыгской девушки-рабыни обращена к адыгской земле, не способной защитить своих детей, уберечь их от захватчиков: «Небо, молнией сожги мою землю, ураган, сокруши, чтобы пылинки на ней не осталось, море, захлестни своими волнами, повергни её в пучину, поглоти её навсегда! Ах, зачем я родилась среди адыгов» [Адыгов, с. 18]. К кабардинскому фольклору в романе относятся и художественный генезис имен героев, которых писатель нередко наделяет «говорящими» прозвищами: «Ебзей» – «Лизун» – княжеский помощник; «Пуналат» – «Проклятье» – монгольский сотник, живьем сдирающий кожу с пленных; «Хабзог» – «Собачий язык» – княжеский прислужник, доносчик; «Урускан» – «Русский воспитанник» и т.д. Подобными фольклорными вкраплениями писатель вводит читателя в неповторимый мир жизни адыгов в эпоху средневековья, дает возможность судить о времени, о контактах с другими народами, о специфике их духовной жизни людей.

Произведения современной адыгской прозы о Кавказской войне во многом сходны между собой на уровне поэтики, не говоря уже о содержании. Произведения А. Кешокова «Корни» (1990), И. Машбаша «Жернова» (1993), М. Кандура «Кавказ» (1994), опираются на имеющийся фольклорный опыт: героико-эпические сказания, хабары, песни-плачи, фольклорные лирические произведения и другие, в них народ воспел трагедию народа – изгнанника, трагедию разлуки с родной землёй и домом.

Использование кабардинскими писателями фольклорных мотивов является одним из плодотворных способов воссоздания национального быта, это значительный фактор формирования философского мировидения писателя. Современная кабардинская проза свидетельствует о больших художественных возможностях в диалоге с народной культурой. Обращаясь к традициям прошлого, искусно используя лучшие из них, писатели в основном по-новому подходят к осуществлению художественных задач, совершенствуют сложное искусство национальной прозы.

Меняется время и вместе с ним меняются требования к творчеству того или иного писателя, к отдельным произведениям, а также соотношение литературы с широким художественно-культурным контекстом, с истоками. О фольклорных традициях в национальных литературах написано немало, но и сегодня нас продолжает интересовать эта связь, её новые проявления, плодотворно влияющие на развитие современного литературного процесса.

Литература

- Адыгов Т.* Щит Тибарда. М., 1982.
Бекизова Л. От богатырского эпоса к роману. Черкеск, 1974.
Далгат У. Литература и фольклор. М., 1981.
Ломидзе Г. Вырастая из единого корня // Октябрь. 1976. №7.
Лосев А. Логика символа. // Контекст – 72. М., 1973.

Мелетинский Е. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М., 1986.

Мусукаева А. О мифофольклорных истоках северокавказской романистики. // Вестн. ПГЛУ. Пятигорск, 2012, №1.

References

Adygov T. Shchit Tibarda. M., 1982.

Bekizova L. Ot bogatyrskogo eposa k romanu. Cherkesk, 1974.

Dalgat U. Literatura i fol'klor. M., 1981.

Lomidze G. Vyrastaya iz edinogo kornya. // Oktyabr', 1976, №7.

Losev A. Logika simvola. // Kontekst – 72. M., 1973.

Meletinskii E. Vvedenie v istoricheskuyu poetiku eposa i romana. M., 1986.

Musukaeva A. O mifofol'klornykh istokakh severokavkazskoi romanistiki. // Vestn. PGLU. Pyatigorsk, 2012, №1.

Hagozheeva L.S. (Institute of researches in the Humanity field of Kabardino-Balkarsky scientific center of Russian Academy of Science)

On the specific use of folklore motifs in the imaginative system of Kabardian prose

This paper explores the linkages between literature and folklore, the role and place of folklore motives in the works of Kabardinian writers. The analysis is carried out on the material of H. Teunov (story "Aslan"), A. Shortanov (novel "The Highlanders"), A. Keshokov (novels "The tops do not sleep," "Broken Horseshoe", "Roots") and others. The article considers the problem in its evolutionary development from the period of the 1940s to the present. The main attention is paid to the study of the specific use of folk motifs, symbols and images in the works of a single artist's words. If in the early periods of the formation of the national literature it was often observed directly "inclusive" folk motifs in artistic fabric of the work, in the 1980 – 1990-ies it is marked by the introduction of the organic folk motifs, images and symbolism in thematic and plot-compositional fabric of prose works.

The constructive role of folklore consists not only in the private and purposeful use of legends, stories, parables, but in the plot-composite formation of works (A. Keshokov, T. Adygov etc.) The article concludes that in contemporary prose Kabardinian wisdom takes new moral and aesthetic value and meaning.

Key words: *folklore motifs, symbolism, evolution, epic genres, tradition, theme, plot, character.*

Hagozheeva Liana Slavovna – post-graduate student, Institute of researches in the Humanity field of Kabardino-Balkarsky scientific center of Russian Academy of Science.

Ph.: 8-928-706-45-58